

НОВЫЕ КНИГИ

Мелани Кляйн

ИНТЕРВЬЮ О ВСТРЕЧАХ С ФРЕЙДОМ

Автор данных воспоминаний — Мелани Кляйн (1882–1960) — австрийско-британский психоаналитик, внесший существенный вклад в развитие психоаналитической теории детского возраста, в технику детского анализа. В своем становлении в качестве психоаналитика Мелани Кляйн училась у специалистов, относящихся к близкому кругу Фрейда. Это, прежде всего, Шандор Ференци и Карл Абрахам, у которых Кляйн проходила свой анализ. Кляйн принадлежит тому поколению психоаналитиков, которому посчастливилось лично встречаться с Фрейдом. Таких встреч произошло всего три, о них Мелани Кляйн и рассказывает в своем интервью, которое было проведено в 1953 году Куртом Эйсслером, в то время являвшимся хранителем Архива Фрейда в Библиотеке Конгресса США.

В тексте интервью ощущается большое восхищение Кляйн личностью Фрейда, она называет себя самым последовательным его учеником. Она рассказывает об отношении Фрейда к ее первым работам, о разногласиях по вопросу техники анализа с его дочерью Анной, о последней встрече в тот день, когда Фрейд закончил свое произведение «Человек Моисей и монотеистическая религия». Небольшое интервью Мелани Кляйн о нескольких ее встречах с Зигмундом Фрейдом представляет собой примечательный документ-свидетельство о непосредственных личных впечатлениях соприкосновения с жизнью великого человека.

ISBN 978-5-98904-285-2
84×108 1/32
40 с., обложка

Алиса Балинт

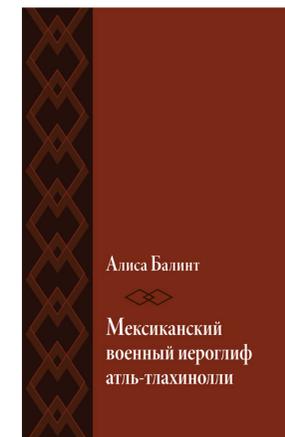
МЕКСИКАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ИЕРОГЛИФ АТЛЬ-ТЛАХИНОЛЛИ

Алиса Балинт применяет психоаналитический метод толкования к специфическому материалу мексиканского рисуночного письма и мифологии. Делая ряд набросков к анализу привлекаемого материала индейских и мексиканских сказаний, записанных еще в период испанских завоеваний, Балинт показывает, что в них имеются характерные сюжеты с эдиповой проблематикой, темы инцестуозных отношений, присутствует разнообразная сексуальная символика. Затем автор переходит к основному предмету своего изучения — военному иероглифу, обращая внимание на отдельные составляющие рисуночного письма. Здесь вскрывается, прежде всего, инфантильно-сексуальное содержание символических выражений иероглифа войны — анальные и уретральные аспекты. На материале представлений мексиканцев Балинт раскрывает ключевой момент: для бессознательного ведение войны эквивалентно совершению коитуса.

В рисунке этого иероглифа Балинт обнаруживает символику, связанную с инфантильными теориями рождения, циклом умирания и возрождения, с представлениями о внутриутробном существовании, с фаллическими компонентами женской психологии, кастрационными переживаниями и т. д. В целом делается вывод о том, что исследуемый рисунок иероглифа войны является сочетанием нескольких содержаний, воплощаемых в отдельных элементах его композиции.

АВТОР

Алиса Балинт (1898–1939) — один из оригинальных и ярких венгерских психоаналитиков. Дидактический анализ проходила у Шандора Ференци и Ганса Закса, была активным членом Берлинского и Будапештского психоаналитических объединений. Ее исследования посвящены проблемам детского анализа, применению психоаналитических подходов к воспитанию, а также этнопсихологическим вопросам. Именно этнопсихологический интерес реализовался в представляемой здесь работе.

ISBN 978-5-98904-282-1
184×108 1/32
60 с., обложка

Алиса Балинт

МЕКСИКАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ИЕРОГЛИФ АТЛЬ-ТЛАХИНОЛЛИ

X

Рисуночное письмо Уамантлы
(Гумбольдт)

Изучение мифа об *Уцилопочтли* и различных форм изображения знака *атль-тлахинолли* познакомило нас с целым рядом представлений, которые имеют большое значение не только для рассматриваемой темы, но и для понимания древней мексиканской культуры в целом.

Мы увидели характерные душевные процессы, которые способствовали преодолению страха смерти у мексиканцев, а также их становлению как внушающего страх народа-захватчика. Эти процессы можно вкратце описать следующим образом: страх смерти, как известно, это страх возмездия, страх быть убитым. Большая регрессия на орально-анальной ступени искореняет смерть, потому что любое «убить» (быть убитым) означает «съесть», а «съесть» означает «быть оплодотворенным», таким образом, каждый убитый («съеденный») становится зародышем, а убийца — матерью. Быть убитым как возмездие ведет к возрождению, а страх кастрации, так живо проявляющий себя в страхе смерти, превращается в страх рождения.

Так нам становится понятен странный факт, что воины, взявшие пленного, сравнивались с роженицами. (Стоит также заметить, что главной целью войны было не убий-

МЕКСИКАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ИЕРОГЛИФ АТЛЬ-ТЛАХИНОЛЛИ

ство врага, а взятие его в плен; пленного приносили в жертву, то есть, как правило, съедали).

С другой стороны, врага можно сравнить с матерью, а взятого в плен воина — с отнятым у матери пенисом и произведенным ею на свет ребенком¹.

Такие преобразования в дальнейшем приводят к распаду тройного единства: отец — мать — ребенок и полному слиянию друг с другом образов отца и ребенка. Наиболее ярко это выражается в версии мифа об *Уцилопочтли*, представленной Саагуном, в котором появляется только мать и толпа детей, а присутствие отца лишь символически обозначается через волан с перьями. Оплодотворяющий перьевой волан, вероятно, и есть сам *Уцилопочтли*, потому что он рождается сверху до низу обклеенный перьями. Грех сына, съедение отца, который мог бы быть самым большим препятствием для этого сопоставления, перекладывается на мать. Поедающие своих отцов сыновья (ср. *Сенюн напа* у *Тецоцомока* и звездные ягуары {*уциимиме*}, которые, согласно мексиканским преданиям, во время солнечного затмения съели солнце, *Seler. Ges. Abh. Bd. I, 439, 543; II, 812; III, 329*), все больше и больше вытесняются поедающими детей женскими демонами², представительницей которых была обитающая на западе богиня земли, глотающая в ночи каменный нож, то есть свет, чтобы утром родить его вновь.

¹ Это представлялось также в виде жертвоприношения: пленным, которому при помощи каменного ножа (пениса) вспарывали грудь, была женщина, а вырезанным сердцем — ребенок. Рассмотрение относящегося к этому же кругу представлений образ бога *Тескатлипока*, в особенности, его важнейших признаков, отрезанной стопы и «дымящегося зеркала» (= *тескатлипока*), последует в дальнейшей работе.

² В конце пятидесятидвухлетнего периода, когда все огни гасили, а народ в страхе и тревоге ждал появления нового огня, который бы обеспечил существование мира на дальнейшие пятьдесят два года, беременных женщин запирали в большом хранилище для кукурузы, так как боялись, что с наступлением темноты они превратятся в демонов и съедят людей. (*Seler. Ges. Abh. Bd. II. 761.*)

■ ЗАКАЗ КНИГ

Интернет-магазин «ERGOlibrum»:
www.ergolibrum.ru